

Василий Проходцев У ОБРЫВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Проходцев
У обрыва

«Автор»

2026

Проходцев В.

У обрыва / В. Проходцев — «Автор», 2026

Группа друзей решает провести фотосессию в загадочном и романтическом месте: развалинах альпинистского лагеря у подножья гор. Однако весёлая поездка оборачивается неприятностями: они обнаруживают в одном из заброшенных помещений труп мужчины. Вскоре они узнают из выпуска новостей, что их компания была замечена на месте преступления, и что они стали главными подозреваемыми. Друзья становятся объектом недоброжелательного интереса сразу несколько сил. Не понимая до конца того, насколько густые тучи над ними сгущаются, друзья планируют поход в театр на чрезвычайно популярный спектакль очень модного режиссёра. А в это время уже готовится их задержание прямо во время представления. Вскоре их отпускают, однако первые же часы на свободе проходят для друзей очень беспокойно. Они твёрдо решают скрыться от опасности за границей, но уезжать из города им приходится не вполне обычным способом, и на этом их приключения только начинаются...

© Проходцев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Василий Проходцев

У обрыва

Глава 1

Соня взболтала остатки белого сухого вина в бокале и сделала большой глоток. Ей стало ещё легче и приятнее, и она, почти забыв о предстоящей встрече, с удовольствием перебирала в уме наиболее удачные места своей последней статьи, которая - что было большой редкостью - нравилась не только ей самой, но и всем коллегам по институту, включая даже самых завистливых. Но главное: статью приняли в самый что ни на есть международный журнал, международнее которого и представить себе было нельзя, и приняли почти без правок. От раскрывавшихся перспектив захватывало дух. Уже скоро, через пару месяцев, она должна была поехать в Англию на стажировку. Но теперь, после выхода статьи, обычная стажировка превращалась в полновесное сотрудничество, в котором она, Соня, была уже не девочкой-ученицей откуда-то из Восточной Европы, а самым настоящим партнёром и ровней всем этим английским зазнайкам. "Я - не халявщик, я - партнёр!" - крутилась в голове дурацкая фраза из дурацкой и всеми забытой рекламы давно исчезнувшей фирмы. И чего же теперь стоило, при её-то уме, обучаемости и - не в последнюю очередь - приятной внешности найти там свою нишу и начать, наконец, достойную её карьеру. Это казалось странным и ей самой, но у Сони уже стояли перед глазами, как живые, все сотрудники той лаборатории, в которой ей предстояло работать. Шеф: пожилой, безупречно вежливый и элегантный англичанин со столь же безупречным чувством юмора. Он, конечно, будет к ней клепаться, но лишь соблюдая традиции - для руководителя лаборатории будет, пожалуй, и неприличным совсем не оказывать знаков внимания молодой и миловидной сотруднице из России. Затем Соне представлялся... иногда он был Джеральд, иногда - Мэтью: тоже англичанин - талантливый и, к своим тридцати годам, невероятно успешный. Он будет застенчивым и неловким, будет краснеть и замолкать в её присутствии, но будет, несомненно, красив той самой, трудноуловимой английской красотой. Излишне было и думать о том, кого именно он предпочтет чересчур эмансипированным и преждевременно располневшим соотечественницам. Далее, перед внутренним взором Сони, проходили и другие, второстепенные, сотрудники лаборатории: все эти услужливые чешки и румынки, глупые, но бесконечно самоуверенные американки, хитрые итальянки и местные ботаники сомнительной сексуальной ориентации. Смешно! Все они разлетятся как пух от одного появления Софьи Матвеевой на горизонте. Подумав, что она, пожалуй, выпила лишнего и чересчур размечталась, Соня повернулась к окну, где и увидела своего брата Данилу, заходящего в заведение. Почему-то, и сам вид, и поведение Данилы раздражали Соню, несмотря на все её прогрессивные взгляды. Это был высокий и худощавый юноша в наряде, подходившем представителю любого пола: широкие синие джинсы, белая рубашка, ботинки на высокой подошве. Все эти, небрежные, на первый взгляд, элементы гардероба были подобраны тщательно и представляли известные лейблы. Прическа его также могла с одинаковым успехом принадлежать и мужчине, и женщине, но следовало признать, что мужчины, после окончания эпохи диско, редко выбирали подобные модели. Всё это было бы полбеды, если бы Данила не был, что становилось очевидным под определенным углом зрения, слегка накрашен. Держался сонин брат жеманно и немного женственно, однако вежливо, и с не изменявшим ему чувством юмора. Сейчас он листал меню, и пристрастно допрашивал сурового бородатого официанта, вероятнее всего, работавшего в заведении первый день, об особенностях буквально каждого блюда и вина. Тот вился, как уж на сковородке, потел и краснел, и изо всех сил старался угодить посетителю, не

желая лишиться работы, но исподволь бросал на Данилу ненавидящие взгляды. Соне надоело смотреть на это издевательство, и она окликнула брата.

- Софья! Тю э белль! - заорал на все кафе Данила.

- Если вы полностью перешли на французский, мсьё Матвеев, то извольте называть меня "ситуаэн", - отшутилась Соня, но Данила, в ответ, рассмеялся таким громовым хохотом, что ей пришлось заткнуть уши. Все посетители кафе, поневоле, повернулись в сторону Данилы, а Соня раздражённо отвернулась к окну.

- Да сядь ты уже, скоморох несчастный! Тебя роли тыквы в твоём ТЮЗе лишили, что ли?!

- Чего меня лишили, сестрица, тебе не обязательно знать! - развязно и весело отвечал Данила. - Однако тебя, как ни странно, я рад видеть!

- Не могу ответить взаимностью! - не сдержалась Соня.

- Божечки! На меня, кажется, гnevаются! - громовым театральным голосом возвестил Данила. Все посетители кафе, кто с испугом, а кто - с интересом, смотрели теперь на брата Сони. - Прости, боярыня! Вели сечь на конюшне!

Соня покраснела, глаза её зажглись гневом, и, кто знает, чем бы закончилась сцена, если бы за окном не появилась другая, привлекавшая сразу все взгляды фигура.

Марина, подруга Сони, с которой она и должна была встретиться в кафе, с самым испуганным видом осматривалась, стоя рядом со входом в заведение. Это была красивая худощавая темноволосая девушка с сильно выступавшим носом, одетая по последней моде и, кроме этого, державшая в руках пакеты с покупками из лучших в городе бутиков. Марина была противоположностью Сони - созданной природой безо всякой экономии, в самом что ни на есть "русском стиле".

Лицо Марины было искажено неподдельным ужасом, она, постояв немного, стала судорожно метаться между входами в многочисленные располагавшиеся в здании заведения, попадая куда угодно, только не в то кафе, где её ожидала Соня. Хлопали поспешно открываемые двери, из них выбегали перепуганные продавцы, но бедной Марине это никак не могло помочь. Наконец, Данила вскочил с места, и порывисто направился к выходу, восклицая с придыханием:

- Май годнесс, она убьёт себя!

Марина, даже увидев Данилу, далеко не сразу признала своего спасителя, и с большим упорством стала сопротивляться попыткам направить её в нужную дверь. И лишь когда мрачный бородатый официант присоединился к Даниле, им удалось, совместными усилиями, затаскать Марину в кафе. Оказавшись внутри, девушка тут же принялась осыпать всех окружающих вопросами, ответы на которые она и не собиралась выслушивать. Марина этим не ограничивалась: её внимание попеременно привлекали все попадавшие ей под руку неодушевленные предметы. Она хваталась за меню, причем именно за то, которое несла другим посетителям на подносе официантка, но лишь для того, чтобы через секунду выпустить его из рук и взяться за спинку стула, стоящего за столом совершенно посторонних людей. Затем подружка Сони врезалась в вешалку и, пока Данила с официантом тщетно пытались удержать вещи от падения, упустив на время Марину из виду, та, резко взмахнув шалью, подпалила её о свечи, придававшие до сих пор романтики ужину одной из пар. Крик ужаса вырвался сразу из множества грудей, как на крутом повороте американских горок. Бородатый официант кинулся тушить Марину, что получалась у него не слишком успешно. Окончательно же его усилия гибли из-за Данилы, путавшегося под ногами и визгливо причитавшего на всё кафе. Наконец официант, припомнив, несомненно, и свои недавние мучения с выбором вина, рывкнул:

- Да не лезь ты под руку, педрила крашеный!

Данила, совершенно забыв про Марину, принялся тем же визгливым дискантом обличать гомофоба. Официант вышел из себя окончательно и, также забыв про разгоравшуюся всё сильнее девушку, приготовился кинуться на брата Сони с кулаками. Быть бы верной беде, если

бы в это время откуда-то из подсобного помещения не появилась южного вида управляющая, которой удавалось одновременно тушить Марину, разнимать Данилу с официантом и приносить всем гостям кафе извинения от лица заведения. Её усилиями порядок был восстановлен, хотя драчуны ещё долго продолжали обмениваться угрожающими взглядами.

- Простите мне этот балаган! - воскликнула Марина, усаживаясь, наконец, за столик. - Это, конечно, отчасти моя профессия... - Марина служила костюмером в том же ТЮЗе, где трудился Данила, хотя и мечтала о создании собственного бренда одежды. - Но вы просто не представляете, что сказал мне сегодня мой психоаналитик!

Соня и Данила обратились в слух.

- У меня... О, нет! У меня...

Какой именно страшный недуг поразил Марину, они так и не узнали, поскольку взгляд её, наткнувшись на что-то на столе, снова зажегся ужасом, и она запнулась.

- Зачем?! Да как вы могли поставить сюда эту дрянь??

Прежде, чем Матвеевы успели что-то предпринять, Марина спихнула со стола чашку кофе и вскочила на кресло. Бородатому официанту и управляющей пришлось снова вмешаться в дело, и через пять минут Марина сидела в своём кресле, сжавшись калачиком. Соня и Данила пытались утешить её и одновременно выяснить, что же привело их подругу в такой ужас.

- Боже мой... Вы разве не видели, *какие* там были пузыри?! Показать это страдающему трипофобией - то же самое, что полить ожог кипятком!

Матвеевы принялись наперебой извиняться, брат осуждающе поглядывал на сестру, хотя кофе заказал он сам, но Марина была безутешна. Дипломатичный Данила решил тогда зайти с другой стороны.

- Дарлинг, ты не представляешь, какой страшный разговор был у меня с моим психоаналитиком в последний раз! Он уже готов был прописать мне таблетки, но решил, всё же, воззвать к моей мужественности...

Соня с большим сомнением посмотрела на брата.

- У меня слишком высокая тревожность... Впрочем, кого этим удивишь в наше время? - продолжал Данила. - Но в последнее время слишком много вещей приводят меня в трепет.

- Да я помню, как ты в детстве от любой козявки бегал, - не удержалась Соня.

Данила и Марина переглянулись, словно объединившись перед лицом столь бесцеремонной грубости, и обиженно замолчали.

- Девочки, не ссорьтесь! - сказала, наконец, Марина, которой, очевидно, не терпелось послушать, что же приводило в трепет Данилу. Тот не заставил себя ждать, и минут десять рассказывал об отравлявших его существование ужасах окружающего мира. Марина, обычно неудержимо болтливая, заворожённо слушала, и лишь сочувственно вздыхала и поддакивала в нужных местах.

- Моя лучшая подружка - Данюшка! - воскликнула она, стоило в рассказе Данилы объявиться мало-мальски продолжительной паузе, и кинулась обнимать сониного брата.

В душе Сони всё это время поднималась волна раздражения. Связана она была и с переходом от возвышенного состояния, в котором она была накануне появления Марины и брата, к прозе не слишком интересного общения, и с тем, что ей, из-за даниловой болтливости, давно уже не удавалось выпить, да и с нелепыми повадками Данилы, наконец. Соня изо всех сил пыталась убедить себя в том, что они вполне естественны и милы, но сдержаться удавалось не всегда. Вот и сейчас ей нестерпимо захотелось щелкнуть по носу измученную психологическими проблемами парочку:

- Я вам, друзья мои, безусловно, сочувствую, но мне кажется иногда - простите уж за бунт архаики - что нам, женщинам, материнство куда полезнее психоаналитиков. А мужчинам, пожалуй, стоит иногда и выпить.

Соня бросила взгляд на Данилу, потягивавшего соевый коктейль через трубочку. Тот неопределенно улыбнулся, снова обратил взор на загорелого мускулистого парня в другом конце зала, на которого он и раньше не переставал поглядывать. Марина же вновь пришла в прежнее возбужденное состояние:

- Сонь, да как в этой стране можно вообще о таком рассуждать?! У тебя, я так понимаю, миллионов двадцать уже на счету? Ты знаешь, сколько нормальный роддом стоит? А детский сад? Не говоря уже о том, что рожать нужно в нормальной стране, хотя бы в Аргентине. А это тоже ведь не дешево! Потом школа... Ты хочешь, чтобы он в Хозбе учился, в классе с двадцатью таджиками? И ещё двадцатью узбеками... А других у нас нет, какими бы англо-французскими они не звались. Сможешь ты его в Европу в частную школу отправить? Ладно, хотя бы в Москву или в Питер? Вот-вот... А представь себе, что твой потомок будет гендерно-неопределенным? Найдется ли во всей стране хоть один педиатр, способный вас понять?! Но это цветочки: школу закончил, а дальше что? На Гарвард с Оксфордом даже у меня денег нет. Можно, допустим, в Чехию отправить, как все нормальные люди у нас делают. Но и это тысяча пять в месяц. Не рублей, разумеется! Я ещё проживание не считала. Или здесь оставишь? Давай-давай, пушечное мясо всегда нужно!

- You are totally right, Marine! - восхитился Данила. - И почему мне всегда так хочется перейти на английский? Жаль, что я его так плохо знаю...

Соня, слушая подругу, понимала, что не готова оспорить каждый из пунктов её речи, но что все эти пункты, взятые вместе, вызвали у неё смутное и необъяснимое отвращение - нет, конечно, не к Марине, а к самому взгляду на вопрос. Особенно теперь, когда на полке возле телевизора у неё дома лежала бумажная полоска с двумя едва заметными линиями. Соне не хотелось молчать - это означало бы согласие с рассуждениями Марины - но она понимала, что, начав спорить, она лишь обидит подругу, не достигнув и малейшего результата. От приподнятого настроения полчасовой давности не осталось и следа, но и раздражение улеглось под тяжестью собственной бесполезности. К счастью, на улице раздался сигнал клаксона: к кафе подъехала машина Димы, мужа Сони.

Глава 2

Дима вез с собой Макса, супруга Марины, которому никак не удавалось пока заработать на собственную машину. Самой же Марине, девушке из весьма состоятельной семьи, стать водителем мешали многочисленные фобии. Дима был коренастым брюнетом среднего роста, изрядно облысевшим, в круглых очках с толстой оправой на орлином носу. Одежда его напоминала наряд жены - разумеется, не внешним видом, а сочетанием показной небрежности и дороговизны. Чтобы купить эту простенькую клетчатую рубашку, джинсы с прорезами и потрепанную бейсболку нужно было потратить три или четыре месячных зарплаты среднестатистического жителя Хозбы. Дима работал ведущим программистом местного филиала одной из крупнейших госкорпораций, и долго уже пытался пристроить в свой отдел и Макса, однако тому премудрости компьютерной сферы давались медленно и с большим трудом. Макс был высоченным блондином подчёркнуто русского вида: в советское время актеров его типажа снимали в ролях положительных персонажей старины - младших царевичей, неудачливых купцов или предприимчивых Иванушек-дурачков. Контраст его облика с внешностью Марины служил неиссякаемым источником шуток и каламбуров для их друзей. Макс любил называть себя предпринимателем, и он, действительно, постоянно что-то предпринимал, однако с неизменными убытками, покрывавшимися, как правило, родителями Марины. На его счету были, среди прочего, загубленный фитнес-клуб, разорившаяся кофейня и прогоревшая база отдыха.

Когда машина подъехала к кафе, Макс выскочил наружу и стал помогать усесться вышедшим из заведения дамам - получилось так, что первой он открыл дверь Соне. Дима, с обычным мрачным видом сидевший за рулем, покачал головой и подумал, что подсознание не обманешь. Стоило обиженной Марине, отбиваясь от Макса, устроиться на заднем сидении, как машина резко тронулась с места. Данила остался в кафе, сославшись на неотложные дела.

После обмена приветствиями и обычным в их компании набором колкостей, Дима решил развлечь попутчиков, включив на магнитоле одну из главных государственных радиостанций. Ход был беспроигрышным: каждая фраза ведущей сопровождалась взрывом хохота и восклицаниями вроде: "Ой, не могу!" или "Дима, всё, сил нет - выключай!". В этот раз шла передача про крупный армейский форум, проходивший в это зимнее время на юге, совсем недалеко от Хозбы. Сначала ведущая с большим волнением в голосе рассказывала про новейшие ракеты стратегического назначения, за которыми, по её словам, зрители наблюдали с разинутым ртом. Потом речь зашла про новейшую модель танков, которая, сама по себе, не показалась бы забавной, если бы Дима не предположил, что муляжи этих боевых машин, в действительности, перемещаются забравшимися внутрь солдатами. Наконец, ведущая сообщила, что решено объявить всенародный конкурс на название ещё одной новой, убийственно быстрой, мощной и неведомой потенциальным противникам ракеты.

- "Единорожек"!

- "Карандаш"!

- "Конец режима"! - состязались в остроумии друзья.

- Фух, слава Тебе, Господи, что эти придурки только по телевизору да по радио воевать умеют! - выдавил, наконец, судорожно утиравший лоб платком Дима.

- Ну, знаешь ли, если всё это двинет в сторону Гибралтара - мало тоже не покажется! - обиделся вдруг Макс.

- Далеко не уедет - будет как вот с этим! - ещё не пришедший в себя окончательно Дима махнул рукой куда-то вперёд. Его попутчики взглянули туда, куда он указывал, и дружно помрачнели.

Одна из красивейших и старейших площадей города, заложенная, как считалось, ещё при царе Александре III, и через которую им нужно было проехать, была полностью уничтожена - во всяком случае, именно такое впечатление складывалось при беглом взгляде на неё. Из уродливых куч песка и изломанного на куски асфальта прямо в небо торчали трамвайные рельсы. Пролеты красивой чугунной ограды с гербами СССР и горделиво выбитыми цифрами "1955" валялись как попало, где-то штабелями, где-то - по отдельности, а где-то - под завалами веток, упавших с изуродованных старых деревьев, украшавших здешний бульвар уже полторы сотни лет. Величественные некогда липы и клёны, покачивая под порывами ветра куцыми остатками крон, выглядели как пожилые наставницы Смольного института, пережившие изнасилование. Среди этого хаоса гордо разъезжали ярко раскрашенные, похожие на дорожные игрушки трактора, экскаваторы и ещё какие-то удивительные машины неизвестного друзьям назначения. Вдоль побеленных кирпичных столбиков ограды бульвара, возведенных, вероятно, всё в том же бурном 1955 году, шёл могучий уроженец Средней Азии в синем комбинезоне на голое тело и лупил их кувалдой с тем же ожесточением и свирепостью, с которыми некогда рубили своих врагов непобедимые воины Тамерлана. Столбики подавались плохо: парковые украшения строили при культе личности на славу. Группа его соотечественников, отвлекшись от перекидывания с места на место кучи песка, которая вполне могла быть убрана за две минуты трактором, поддерживала разрушителя ограды одобрительными возгласами.

Подобными картинками Макса, Сою, Марину и, тем более, Диму было не удивить, однако данный акт благоустройства отличался какой-то показной и вызывающей бессмысленностью. Летом, когда было сухо, движение в городе было сносным, однако с наступлением осенних и зимних дождей асфальт покрывался скользкой грязью, и бесконечные столкновения купивших по дешёвке права водителей приводили к практически полному параличу дорожной сети. Апогея же всё это достигало к концу зимы, который и был сейчас на дворе. Но именно это время было выбрано для того, чтобы полностью вывести из строя центральную площадь города, к которой, как к бутылочному горлышку, сходилось большинство хозбинских дорог.

- Господи, да когда же это благоустройство-то ковровое закончится...

- Благоизнасилование какое-то... Всего города...

- Групповое к тому же - а за это ведь больше дают!

Дима промолчал, однако резко крутанул руль и нажал на газ, чуть не сбив хорошо одетого темноволосого прораба, на котором из строительной амуниции была только каска. Тот принялся громко костерить неловкого водителя на родном языке, хотя именно его дорогой джип, припаркованный вопреки всем правилам дорожного движения и всем общечеловеческим ценностям, не давал никому нормально проехать.

Макс не видел этого, поскольку, грустно уставившись в окно с другой стороны, вспоминал родной двор, где прошло его детство. Летний кинотеатр, фонтан, беседка, скульптура пионера - всё отправилось пару лет назад туда же, куда и ограда 1955 года постройки. Остались одни тополя, оскверненные тем же способом, что и деревья на бульваре. Они теперь окружали детскую и спортивную площадки, отлитые из яркого, поблескивавшего ночью под светом холодных фонарей пластика.

- Ну, хотя бы техника наша - там несколько тракторов "Вексельмаша", видели? Название иностранное - они канадскую фирму известную недавно купили - но так-то наши машинки! - решил немного подбодрить самого себя и попутчиков Макс. Дима посмотрел на него как на милого, но умственно отсталого ребёнка:

- Ну что за детская наивность, Максик... Нет сейчас ничего российского и быть не может - по определению! Этикетку, что в России сделано, наклеить могут, и то криво.

Макс не успел возразить, поскольку радиоведущая зашла в такой восторг, который даже приглушенный звук не позволял оставить без внимания: очередной пуск ракеты, неиз-

менно до сих пор падавшей через несколько секунд после взлёта, несмотря на усилия сразу нескольких министерств, наконец-то увенчался успехом.

- Ну, свершилось! - пробормотал Макс.

- Май годнесс, ну что же опять за детский сад! - скривился Дима, - Просто упала в этот раз незаметно, вот и написали, что полетела. Немцев-то пленных у них нет, как в пятидесятые годы - ну и с чего летать-то что-то будет?!

Макс снова, приоткрыв рот, вынужден был промолчать, поскольку автомобиль Димы, объезжавшего благоустраиваемую площадь по одной из маленьких улиц, попал колесом в огромную яму, скрывавшуюся под покровом безобидной на вид маленькой лужицы. Машину тряхнуло так, что всем стало вовсе не до летающей по далекой Сибири ракеты.

- Эх, Рассеюшка! - пробормотал Дима.

- Послушай, а обязательно каждый раз, по поводу и без, страну поминать? - возмутилась, на этот раз, Соня, - Тебя, Дим, комар укусит - тоже Россия виновата?

- Сонечка, сладкая ты моя! Ты мне скажи про неё хоть что-то хорошее - а я поддержу! Бабы-то у нас точно красивые - этого не отнять. Только вот руками и головой научиться бы чего-нибудь делать!

- Не просто головой, а мозгами! - внесла свою лепту Марина. Все с сомнением обернулись в её сторону.

- За тысячу лет, радость моя, - продолжал рассуждать Дима, - Россия, как известно, дала миру только Камаринскую. А если что другое и было, так только тогда, когда немцы, французы да поляки за дело взялись. В общем, только место на карте занимает...

Все промолчали. Макс знал, что спорить в таких случаях с Димой бесполезно, да и не считал нужным портить из-за отвлеченных дискуссий карьерные перспективы. Соня не хотела обострять и без того сложные семейные отношения, а Марина была полностью солидарна со сказанным, и чуть ли не аплодировала.

- Так, ну ладно, - прервал молчание Дима на выезде из города. - Вот прямо за этим татарско-калмыцким полем - заворачиваем.

- Почему татарско-калмыцким?! - опешил Макс.

- Божечка... Ну ты где-нибудь видел, чтобы русские сельским хозяйством занимались?

- У меня, вообще-то, вся семья занимается, я один городской...

Дима брезгливо поморщился и, сделав вид, что не слышал Макса, продолжил философствовать:

- Хотя, с другой стороны: что такое - "русский"? Территориальная принадлежность, нет такого народа. Распределили ордынские ханы земли, чтобы удобнее было дань собирать - вот и вышло это недоразумение на пол-Евразии...

- Это поэтому ты на митинг не хочешь идти? Народ тебе не тот, не за кого стараться? - решила вставить шпильку Соня: с тех пор, как пару-тройку лет назад протестные акции стали менее безопасными для их участников, Дима к ним заметно охладел.

- Эх... Да пойду, конечно. Как не пойти? Но для себя пойду, понимаешь - для себя! Ну, ещё и немного для тебя, дарлинг. Чтобы в зеркало не стыдно было смотреть, да в твои чудесные глазки. А народ... Богоносец наш ведь на золотую рыбку очень похож. Во-первых, все желания исполняет, если за жабры взять. А, во-вторых, памяти на несколько минут хватает. И даже каж-додневно наблюдаемые факты не запоминаются: зарплата в 200 долларов, направления вместо дорог, пенсия посмертная - удивительное дело... И что же с ними надо такое сделать, чтобы ретивое, наконец-то, взыграло? Пойдёмте, пойдёмте за бабу Маню нашу сразимся - она же нас завтра в ментуру и сдаст, врагов от Запада. Народовольцы, блин, хозбинского уезда...

- Ну, у тебя-то вроде ничего зарплата, - не вполне логично возразила раздраженная Соня.

- Какое там, дарлинг... Разве что, для этой Верхней Вольты с ракетами... Ты знаешь, что я хотел бы для нас с тобой гораздо большего!

Неожиданно для всех, во время разговора о митингах Марину охватило бурное веселье. Макс стал с тревогой поглядывать на супругу, в уравновешенности которой он давно сомневался.

- Вот же цирк! Нет, я, конечно, пойду. Хотя с ног до головы ленточкой обмотаюсь - белый цвет мне к лицу. Да и скучно. Но получается, что мне с папки своего надо начинать - в нашем уезде круче него коррупционеров мало! - Марина вновь прервалась на минуту из-за приступа смеха, - А мне-то зачем с ним бороться, если он наворует ещё чуть-чуть, и в Англию меня учиться отправит - давно обещал. А уж там я зацеплюсь, не тушкой, так чучелком - не будь я Марина Власова! Ну и оксюморон!

Глава 3

Под смех Марины, автомобиль начал подниматься на один из многочисленных хозбинских пригорков, незаметно становившихся крутыми и обрывистыми холмами. Дорога превратилась сначала во вполне приличный просёлок, затем в шахматную доску из луж и участков темной грязи и, наконец, во что-то почти непроходимое. Дима матерился громовым голосом, нисколько не стесняясь присутствия Марины и Сони, в попытках выжать всё возможное из своей огромной и красивого, но совершенно не приспособленного к поездкам по пересечённой местности джипа. Макс и Соня мрачно тряслись, держась за свисавшие с потолка ручки, глядя каждый в своё окно и думая о чём-то. Марина же изо всех сил подбадривала Диму, обещая ему, что он ни в коем случае не пожалеет о перенесённых трудностях.

И правда: когда вдаль показались развалины турбазы, никто, даже вечно скептический Дима, не пожалел. В местах вроде тех, где был некогда приют альпинистов, испокон века ставили крепости, и в Хозбе не переставали ходить слухи, что именно на останках старинной цитадели лагерь и был построен. Это было далеко не самый высокий, но наиболее красиво и удобно расположенный пригорок в округе: крутой мыс на излучине реки, за которой стояли стеной суровые холмы. На этом фоне даже убогие, полуразрушенные и покрытые граффити позднесоветские строения серого кирпича выглядели как рыцарский замок – тем более, что они сплошь поросли плющом. Откуда-то слышалось тихое журчание невидимых ручьёв и речек, собиравших воду из ледников, расположившихся у подножия горных вершин – они скрывались совсем недалеко, сразу же за холмами. Казалось, что сам лес вокруг заброшенной турбазы и сами ее стены издают этот негромкий и приятный звук. Солнце просвечивало через густые кроны елей, где-то куковала кукушка. Друзья, выйдя из машины, молча любовались этой картиной. Дима, немного поколебавшись, даже приглушил раздававшийся из магнитолы остро-социальный рэп.

- До после восхождения, до будущей горы! – душевно пропел он.

На полах комнат с выбитыми стеклами и провалившимися потолками, среди прочего мусора, лежали проржавевшие карабины, "кошки" и мотки веревок, а со стен на друзей смотрели, с каким-то укором, потрепанные портреты Высоцкого и Визбора.

- Ой, какая милая фиговинка! – воскликнула Марина, завидев на полу железку необычной формы, не потерявшую от времени блеска.

- Сама ты фиговинка! Хотя и милая. Это же дюльфер Магнуссена памирского образца. Редкая штука, надо с собой забрать. Сейчас таких уже не производят, – назидательно заметил Дима.

- Ты что, альпинист? – удивился Макс.

- Забыл, что ли, из какой я семьи? Интеллигенция, блин! Родаки в жизни-то только две вещи знали: НИИ свой, да горы. Романтики хреновы... Пришлось и мне с ними потаскаться. Ладно, давайте уже к запланированной бесовщине перейдём, а то у меня ещё дел вечером куча.

В глубине руин турбазы протекал ручей, в одном месте превращавшийся в маленький водопад, а у его подножия вода собиралась в небольшое, но глубокое и холодное озеро. Прямо возле него во времена расцвета турбазы была построена баня, которая сохранилась гораздо лучше других построек: там и сейчас можно было попариться. Также хорошо сохранилась и комната отдыха, обставленная с неподражаемым шиком конца 80-х. Стены были отделаны плохо подогнанными, но очень дорогими резными панелями темного дерева, на которых висели почти барочные по своему тяжеловесному изяществу бронзовые светильники – их, как ни странно, никто не догадался за все прошедшие годы сорвать или разбить. Возможно, рука не поднялась. Пол был устелен дубовым паркетом, вздувшимся и потрескавшимся от времени,

а у стен стояла пара кожаных кресел и большой диван - свидетель самых разнообразных банных потех. В середине же комнаты стоял бильярдный стол известной фирмы с удивительно хорошо сохранившимся сукном.

Увидев его бархатистую изумрудную гладь Марина, недолго думая, запрыгнула на стол и приняла игривую позу.

- Богиня! - воскликнул Дима.

Польщённая Марина томно переложила пару раз ногу на ногу и слегка подалась вперёд, чтобы в разрезе блузки лучше была видна грудь.

- Давай, давай, Маришка, побольше эротизму! Как говорится, "у вас - товар, у нас - купец"! - бормотал разгорячённый Дима.

- Ну что за бред! - не выдержала Соня.

- Дарлинг, прости, я тебе раньше не рассказывал! Мы с Мариной давно договорились... Ты знаешь, у меня ведь в детстве плакат на стене висел в комнате, с Региной - ну, помнишь, певица такая итальянская была? Может, и сейчас есть... На фестиваль Петро-FM, небось, ездит теперь старушка - радуется, что не забыли... Так вот, она там, на плакате, как раз на бильярдном столе сидела. Божечки! Как в анекдоте было: то не выдержу - сниму плакат, потом не выдержу - обратно повешу. Но ты ведь, дарлинг, на такое бы не согласилась...

- И поэтому ты, меня не спрашивая, сразу Маринке предложил, правильно?

- погоди! Регина-то того - брюнетка была!

Назревала семейная сцена.

- Сонечка, ну не будь ханжой! Я, может быть, всю жизнь о таком мечтала, - уговаривала Марина, попутно одаривая мужчин взглядами, которые никакой Регине в жизни бы не удались.

Макс посматривал то на заигравшуюся в поп-диву жену, то на раскрасневшуюся от гнева Соню, и в который раз думал о том, что она, положив руку на сердце, всегда нравилась ему куда больше его собственной супруги. Но, по какому-то извечному закону, он будет всегда жить с Мариной, которая ещё и, того гляди, начнет изменять ему с Димой. Макс глубоко вздохнул, и вздох этот никем не был понят - кроме, возможно, Сони, которая, уловив его, тревожно повернула голову в его сторону.

- Ну, чёрт с вами! Меня тогда у водопада голой снимешь, - бросила Соня и ушла в соседнюю комнатку с обвалившимся потолком.

Но оказалось, что Дима подготовил массу альпинистских принадлежностей, которые он с большим знанием дела присоединил к нарядам обеих дам, и в таком странном виде - то с мотком веревки, то с ледорубом - долго фотографировал Соню и Марину на фоне руин лагеря и окружающих природных красот.

Соня не на шутку утомилась, но стоило ей подумать, что дело идёт к концу, как Марина нырнула в машину и, сгибаясь под тяжестью, извлекла оттуда огромную чёрную сумку. Соня давно уже обратила на неё внимание, и удивлялась, почему это подруга, редко поднимавшая что бы то ни было тяжелее мышки от своего дорогого ноутбука, с таким энтузиазмом возится с этим баулом. Марина с таинственным видом утащила сумку в одну из засыпанных битым кирпичом комнат и надолго там пропала, наотрез отказываясь от помощи и истерически взвизгивая, когда кто-то пытался войти внутрь. Друзья, отчаявшись её дождаться, заговорили о чём-то своём - точнее, говорил один Дима. Макс слушал его с заинтересованным выражением лица и кивал в нужных местах, а Соня с каким-то неопределённым выражением то поглядывала на мужа, то скользила взглядом по стенам и потолку, проклиная про себя Марину с её дурацкой затеей и саму себя за то, что согласилась в этой глупости участвовать. Внезапно, Дима сам, без постороннего вмешательства - что случалось с ним крайне редко - замолчал, а на лице его появилось выражение испуга, вскоре, впрочем, сменившееся умиленной улыбкой. Макс и Соня, повернувшись по очереди в ту сторону, куда смотрел Дима, пережили ту же последовательность эмоций. На пороге комнаты стояло создание - одновременно жуткое и привлека-

тельное. В шапке всклокоченных, торчащих в разные стороны волос чёрные и зелёные пряди перемешивались с веточками и каким-то болотными растениями. На бледном, едва заметном под пышной шевелюрой лице горели хитроватым огнём большие глаза с вертикальными зеленоватыми зрачками. Блестящая чешуя покрывала почти всё тело существа - кроме ног, которые украшали высокие сапоги с затейливым рисунком, и рук. Сзади висел пышный, не вполне ясно, как прикрепленный к телу хвост. Каждый из друзей, увидев это зрелище, сперва пугался, но потом по хорошо им известным татуировкам на предплечье узнавал Марину и облегченно вздыхал. Дима и Макс пришли в настоящий восторг, а Соня с ухмылкой отвернулась в сторону.

Выслушав комплименты и неизбежные шутки мужа, кикимора подбежала к Соне и радостно обняла подругу:

- Сонечка! Я и для тебя всё приготовила. Сделаем из тебя настоящую упыриху!

- Поверь, дорогая, тебе это уже удалось! Так что ни к чему было так напрягаться.

- Какая ты сегодня сердитая, зазнобушка моя! - покачал головой Дима. Но Марина уже тащила его за руку в какое-то "на редкость хтоническое", по её словам, место. Макс с Соней оказались наедине. Оба недолго помолчали, а потом Соня вызывающе взглянула Максиму прямо в глаза. Тот сперва удивился, потом трусливо отвёл взгляд, ну а затем и вовсе, попятившись, почти сбежал на улицу, больно ударившись по пути о дверной косяк.

- П-пойду п-поброжу!

- Ты знаешь, Максимка, что воинов, бежавших с поля боя, в старину заставляли женское платье носить? Я сейчас как раз об этом статью пишу! - прокричала ему вслед Соня.

Она слышала, как Макс удаляется куда-то в глубину полуразрушенного здания - не туда, куда ушли Марина с Димой. Соня немного удивилась, однако решила, что тот вскоре, набравшись духу, вернётся обратно. И оказалась права: минут через пять раздались быстрые шаги Максима. Когда тот появился в проёме, на нём лица не было. Соня, подумав про себя, что только Вселенная и мужская трусость не имеют границ, решила немного подбодрить Макса, и поинтересовалась с лёгкой насмешкой:

- Ну как, не заблудился?

Но Макс вовсе не склонен был кокетничать:

- Валить отсюда надо, и п-побыстрее! - запинаясь, с перекошенным лицом пробормотал он, - Собирайся срочно, я за ребятами сбегая.

Вскоре друзья торопливо шагали к машине. Впереди всех почти бежал Макс, за ним старалась поспеть позвякивавшая карабинами Соня, не желавшая идти рядом с Димой - тот, сгибаясь под тяжестью марининой сумки и огромного фотоаппарата заметно поотстал. Позади всех шла, подметая хвостом валуны, довольная Марина, приговаривавшая, что, мол, и так пора было двигаться: вокруг вечно кто-то шляется, и толком не пофотографируешься. На заднем плане, и правда, бросая через плечо испуганные взгляды на Марину, спешно удалялась какая-то бабушка.

- Ты можешь хотя бы примерно сказать, что там случилось, Макс? - пыхтел Дима.

- Потом, Димон, потом! Поехали быстрее!

Глава 4

Вернувшись в город, друзья, как и планировали, собрались в квартире у Сони и Димы. Мастерски расставленные лампы мягко освещали обставленную дорогой и стильной мебелью гостиную, хорошее белое вино плескалось в бокалах, кусочки ароматного сыра были аппетитно разложены на изящных тарелочках. Разговор, однако, не клеился.

Макс, несмотря на обещание рассказать всё в машине, всю дорогу молчал, как пленный партизан. Женское любопытство Марины и Сони было возбуждено до такой степени, что они, казалось, готовы были уже начать пытать Макса, да и Дима был бы не прочь к ним присоединиться. Они втроем сидели в ряд на диване, словно объединившись против скукожившегося в кресле напротив Макса, и буравили его недобрыми взглядами. В висевшей над ними на стене картине, при всей её абстрактности, хорошо просматривалась шляпа и поблескивавшие под ней круглые стёкла пенсне. Одним словом, обстановка очень походила на заседание одной из знаменитых "троек" времён культа личности.

Макс раскачивался на дизайнерском кресле и, тупо уставившись в противоположную стену, в который уже раз повторял:

- Ну как же вы не поймёте! Если я вам сейчас всё расскажу, то сделаю вас соучастниками. Нас допросят по одному, каждый скажет примерно одно и то же - вот и преступное сообщество готово! А так - вы ничего толком сказать не сможете, а я расскажу всё, как есть. Получится, что и вы не при делах, и ко мне вопросов меньше: не совсем ведь я идиот, чтобы при куче свидетелей такое творить!

- Да какое, мать твою, "такое"?! Разведусь с тобой ко всем чертям! - закричала Марина и расплакалась.

- Логика, Макс, тут есть, признаю, - задумчиво проговорила Соня. - Но ты, Максимка, не опасайся ли того, что мы от любопытства свихнёмся, и с тобой самим, безо всяких ментов, чего-нибудь нехорошее сделаем?

- Умно-то умно! И Макс в безопасности, и мы у него - вроде заложников. Да, Максик? - ехидно спросил Дима.

"... Жестокое убийство Абдулгамида Ш., хорошо известного в определенных кругах нашего города, было совершено накануне", - резкий женский голос, который и до этого раздавался из включенного фоном телевизора, на сей раз привлёк внимание друзей. Ведущая смотрела на зрителей с такой неподдельной скорбью в глазах, как будто покойный Абдулгамид был ей самым близким человеком.

"- Его тело было случайно обнаружено гуляющими детьми в одном из подвальных помещений заброшенной турбазы на улице Сомалийского пролетариата - всем известном притоне сатанистов, наркоманов и неонацистов. Вот и в этот раз не обошлось без нечисти: свидетели рассказывают про торопливо удалявшуюся с места преступления компанию не совсем обычного вида..."

- Говорил вам: доиграетесь вы со своей бесовщиной! - мстительно воскликнул Макс.

"- ... одна из её участниц была наряжена то ли русалкой, то ли кикиморой - здесь показания очевидцев расходятся".

- Вот твари! Абдул, брат... - Изетбек откинулся на спинку дивана. - Сапар, иди сюда!

- Ну, чего там случилось, брат? - недовольно проворчал Сапармурат, смотревший в это время на кухне турнир по смешанным единоборствам.

- Иди шустрее, по-братски! Или переключи на "Хозбу тудэй".

Когда лохматая голова Сапармурата показалась в дверном проёме, объяснять Изетбеку уже ничего не пришлось: на экране красовалась чёрно-белая фотография Абдулгамида из полицейского досье, которую вскоре сменили кадры с места происшествия. Огороженные красно-белой лентой руины турбазы, полицейские машины с мигалками и группа медиков, уносящих куда-то плотно укрытые носилки.

- Абдульчик!! - взревел Сапар и, выскочив в коридор, принялся лупить всё, что попадалось под руку.

- Ты что, Сапар, его знал?

- Его все знали, брат!!

- Сапар! Но если Мансур и это на нас повесит - я увольняюсь, отвечаю! - тихо и грустно произнёс Изетбек.

- Верно, брат, верно! Уволимся - и сами с этой падалью разберёмся, по-братски! Как говорится, без формальностей...

Зазвонил телефон. Изетбек, нехотя и как бы с трудом, повернул голову к экрану с танцующими красным и зелёным кружками и безнадежно покачал головой:

- Мансур!

"... пока, безусловно, рано торопиться с выводами - я также не вправе разглашать некоторую оперативную информацию, которой владею - но есть все основания полагать, что грязный след от этой кровавой истории... или, точнее сказать, кровавый след от этой грязной истории... Одним словом, он тянется ни куда-нибудь, а к либерально-неонацистским кругам, которые, увы, есть и в нашем спокойном и мирном городе. А значит, как мы понимаем, ниточка неизбежно потянется и дальше - в направлении наших "уважаемых западных партнёров"". Бритый наголо телеэксперт, выдав эту сентенцию, эффектно развернулся в кресле и победно взглянул на ведущую. У той выражение скорби на лице сменилось ужасом, и она, мелко кивая, заворожено смотрела на эксперта.

- Ратибор!!

- Что, Малуша? Ну зачем так кричать? Марена, что ли, за нами явилась?

- Ты не понимаешь, или просто, как всегда, ни черта не слышал?!

- Чего там слышать-то? Град пошёл - либералы с англосаксами виноваты. Чурбана какого-то завалили - они же, вестимо. Ну и мы, грешные, за компанию.

Столкнувшись с такой тупостью и бесчувственностью, Малуша на время потеряла дар речи.

- Да ты... Последние мозги пропил?! Ты... ты слышал? "Неонацистскими"!! Ты хоть понимаешь, идол ты дубовый, что это теперь или на нас повесят...

- Или?

- Или используют это для нашей дискредитации!!

- Сварог-создатель, какие мы слова-то знаем... Ну какая, любя моя, тут может быть дискредитация? Не ты ли всё время повторяла: "Надо завалить крупного зверя, желательно - чемпиона"?

- А ты... не совсем ведь конченный! - просияла Малуша. - Вдруг, и правда на нас повесят... Едем туда, скорее! Хочу сама всё увидеть.

Капитану полиции Алексею Алексеевичу Шмелёву было в этот день невыносимо скучно. Как, впрочем, и почти всегда в последние пару лет. "С жиру бесишься" - пилила его жена. "Кризис среднего возраста! Выгорание..." - объяснял он сам своё состояние друзьям. Платили хорошо, а работа становилась год от году всё спокойнее - поди плохо! Но и расплата за это видимое благополучие была суровой: всё поглощающие и всюду проникающие скука и апатия. И это не говоря про нарастающий вал отчётной макулатуры, уверенно погребавший под собой настоящую работу. Алексей с отвращением смотрел на новые глянцевые панели, заменившие на стенах его кабинета знакомые до каждого пятнышка старые обои. На трескучие жалюзи, вытеснившие тяжёлые и пыльные, но такие родные коричневые советские шторы. Наконец, на безликие пластиковые столы и стулья, окончательно уравнившие Служителей Закона с самым обычным офисным планктоном. Тополя под окном, вроде бы, оставались те же, но и их по чьему-то бессмысленному и беспощадному решению превратили прошлой весной в обрубки. Одна оставалась отрада: старинная, пожелтевшая и увешанная флажками карта города, ещё советской печати. Хоть на ней и не было большей части росших как грибы новых районов и футуристических дорожных развязок, Алексей, грозя начальству немедленным увольнением, запретил снимать карту со стены. Разглядывая её, он как будто переносился на машине времени в прошлое. Вот здесь, на некогда заброшенном и грязном пустыре за новым кладбищем, ныне приютившем две тридцати- и одну сорокаэтажную высотки, состоялась знаменитая стрелка "Клары Цеткин" и "Розы Люксембург" - двух самых известных и жестоких банд города, названных по имени родных для них районов Хозбы. Милиция прибыла тогда на место к самому окончанию разборок - они не слишком торопились. Однако, когда большая часть состава обеих группировок переместилась с пустыря за кладбищем непосредственно на кладбище, спокойнее в городе почему-то не стало.

А вот тут, на пересечении улиц Орджоникидзе и Микояна, Шмелёв с коллегами пятнадцать лет назад взял целую сходку кавказских воров в законе, с которых столичные продажные дегенераты много лет чуть ли не пылинки сдували. За этот подвиг Шмелёва и компанию не ждало ничего, кроме служебных выговоров и помоев в прессе, однако то давнее дело до сих пор грело его сердце гордостью.

- Менту-ра! Все ночи полные огня,

Менту-ра! Зачем сгубила ты меня...

- запел потихоньку Шмелёв, откинувшись в кресле.

"- Хочется надеяться, что наши правоохранители не будут терять времени впустую, а как можно скорее сотрут это пятно с репутации города!" - едва слышно возвестила ведущая с экрана стоявшего в углу маленького телевизора, завершая репортаж.

- Да её в химчистку давно пора сдавать, репутацию эту! - ответил телевизору Шмелёв. - А всё же интересно - что же эту сучку так возбудило: аж покраснелась вся, через грим видно.

- Товарищ капитан, поздравляю: Абдула Чуфуткалинского грохнули, и прямо у нас на участке! - прояснил ситуацию вихрем ворвавшийся в кабинет подчинённый Шмелёва, старший лейтенант Олег Петров.

- Вот радость-то... Ну что ж, автомат-жилет-ордер, и по коням! Далеко это? Только не говори, что на Крупской! Поехали, возьмём тёпленькими, гадов, чтобы не пикнули!

Шмелёв, под действием отработанного, как у собаки Павлова, рефлекса, выхватил из ящика стола пистолет и потянулся к стулу, где под потёртым пиджаком висел бронежилет.

- Това-рищ капитан! Ну куда и зачем мы так торопимся? Сначала ведь надо всё оформить в соответствие, так сказать, с процессуальными нормами...

Петров протянул капитану стопку бумаг в полпальца толщиной. Тот побагровел.

- Знаешь, Олежик, почему у "агента 007" два шарика перед цифрой "7" нарисованы?

- Почему, Алексей Алексеевич?

- Да потому, что они у него есть, эти шарики!! А вам, бухгалтерам от ментуры, скоро и бабы давать перестанут!

- Зачем Вы так, Алексей Алексеевич? Разве это я придумал?

- А вот тому, кто это придумал, я бы эту всю стопку знаешь куда запихал...

Шмелёв с ненавистью схватил рулон бумаги и принялся ожесточённо тыкать им в невидимого врага-бюрократа. Выходило так, что движения Алексея Алексеевича были направлены аккуратно в сторону висевшего на стене фотопортрета одного очень высокопоставленного лица. Петров, рискуя попасть под горячую руку взбешённого начальника, подскочил к нему и деликатно отвёл его руку в менее политически опасном направлении.

- Спасибо, Олежик! - пробормотал поостывший Шмелёв. - Вот ты знаешь, что мы с такими, как ты, в Чечне делали?

- Никак нет, Алексей Алексеевич!

- Очень, очень уважали! "Пропали юность и талант в твоих стенах!".

Глава 5

К заброшенной турбазе медленно, тщательно объезжая каждую рытвину на дороге, приближалась длинная чёрная машина. Её тяжеловесная и основательная красота, как и очень низкая посадка, выдавали её солидный возраст и благородное происхождение. Этот шикарный экипаж, совершенно определённо, не предназначался для путешествий по заброшенным окраинам Хозбы: поблёскивающие на зимнем солнышке вороние крылья машины уже были покрыты таким же равномерным, как слой краски, слоем коричневой грязи, и в общем она была похожа на пантеру, которой приходится подбираться к своей жертве сквозь самые неприглядные и грязные заросли. Её пассажиры так и называли её - "Пантера".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.